

вых цветов и робко попросила у переводчика разрешения сказать несколько слов. Она живет в отдаленной деревушке. У нее нет денег не только для того, чтобы купить билет на концерт, но даже, чтобы приехать в Нагойю. Но она по радио слушала нас. В газете был указан маршрут поездки советских артистов, и она шла пешком целый день, чтобы повидать нас на станции и передать цветы...

Глубоко, но, конечно, совсем по-иному взволновало меня посещение Хиросимы. В центре взрыва американской атомной бомбы воздвигнут памятник погибшим. Он стал местом паломничества со всех концов страны. В Хиросиму приезжают поездами, автобусами, приходят целыми семьями, возлагают к памятнику цветы, обязательно посещают музей атомной бомбардировки.

Мы тоже пошли в музей, познакомились с его директором. Он как-то особенно потеплел, когда узнал, что мы из Советского Союза, из Москвы. Он рассказал, что уцелел чудом, но вся его семья погибла. Остаток своей жизни он решил посвятить музею и всегда напоминать людям о том, что произошло в Хиросиме. На прощание он открыл одну из витрин и подарил нам два экспоната — два расплавившихся при взрыве кирпича...

Вечером на концерте присутствовало человек сорок жителей Хиросимы, до сих пор больных лучевой болезнью. Некоторые из них лечатся в здешнем американском госпитале. Но никто из говоривших с нами не помянул американцев добрым словом.

* * *

Шесть недель мы ездили по Японии, выступали с концертами в 16 городах. Сколько раз мы смотрели в глаза своим внимательным слушателям, сколько пожали рук, со сколькими людьми побеседовали!.. Наряду с чувством глубокого уважения к трудолюбию японского народа, его любознательной пытливости и любви к прекрасному я увез с собой чувство его дружеской симпатии к советским людям.

◆ ◆ ◆